

Кизима В.В.

УДК 130.2:008.2:572

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке международного научно-исследовательского проекта №24 (Трансформация смыслов и ценностей как фактор перехода к инновационному обществу). Постановление Президиума НАН Украины №96 от 08.04.2009.

Вопрос не только о локальной, а и о глобальной роли интеллигенции в современном мире возникает по нескольким причинам.

Во-первых, в связи с нарастанием в современном кризисном мире необходимости установления согласия между странами, народами и цивилизациями и выработки новых смыслов и ценностей – дѣла, в осуществлении которого интеллигенция может сыграть весомую роль. Эта проблема уже получила институциональное оформление. В апреле 2009 года в Стамбуле прошел второй форум «Альянса цивилизаций» – международной организации, созданной под эгидой ООН и ставящей своей целью обеспечить взаимопонимание между Западом, исламским миром и в планетарном масштабе. Ее работу поддерживают представители высокого уровня девяти стран [1]. Не секрет, что во многих регионах мира, особенно в Европе в связи с растущей исламской иммиграцией на ее территорию, все более обостряется вопрос о сохранении национальной идентичности иммигрантов независимо от места их жительства, с одной стороны, и уважения ими языка, традиций, образа жизни страны пребывания, с другой. Все более ценным становится опыт многонациональных обществ, в которых удалось наладить национальное согласие, общежитие различных народов, этносов, культур и религиозных конфессий. Раввин из Великобритании Дж.Сакс рассматривая как «достоинство различия» все многообразие национальных, социальных, вероисповедных, культурных и других человеческих сообществ, обмен мнениями между ними считает средством избежать угрозы катастрофического столкновения цивилизаций [2]. Поскольку развитие взаимопонимания и выработка новых смыслов осуществляется прежде всего через культурные контакты, большая, если не ведущая, роль интеллигенции в решении данных проблем не вызывает сомнений.

Во-вторых, традиционные силовые методы обеспечения относительной стабильности мира за счет колониального, экономического, политического, информационного и прочих форм традиционного господства цивилизационных центров над периферией все более становятся ненадежными, вызывают активное неприятие и утрачивают позиции в мировом сообществе. Недостаточной становится даже такая форма, как посредничество ООН в решении конфликтных вопросов. Показательно, что Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на том же форуме в Стамбуле отметил, что «никакое количество «голубых касок» не может обеспечить прочный мир в отсутствии подлинного сотрудничества между общинами». Сегодня ситуация в этом смысле еще более обостряется в связи с разразившимся мировым кризисом, источником которого стали самые могущественные в военном отношении США, оказавшиеся, в то же время, самым большим... должником в мире из-за выброшенной ими на протяжении последних десятилетий огромной виртуальной массы фантомных долларов в мировую финансовую и экономическую сферы, которая уже не поддается управлению и разрушает мировую финансовую и не только финансовую систему. По мнению многих серьезных аналитиков и политических деятелей (например, известного депутата Европарламента Джульетто Кьеза), сегодня США уже не в состоянии влиять на критическую ситуацию самостоятельно и должна считаться с остальным миром, в первую очередь с Китаем, в результате чего XXI век будет скорее всего китайским. Не совпадают отныне также интересы США и Европы. Исследователями и политиками делается вывод о том, что в условиях рухнувшей системы международных финансовых отношений нужны радикальные изменения структуры мирового управления, нужна новая архитектура мира. Фактически речь идет о кризисе такого масштаба и силы, какого еще не переживал мировой капитализм; мировое сообщество все настойчивей говорит о необходимости *нового мироустройства*. Каким оно будет? Там, где не могут помочь пушки, танки, самолеты, политическая риторика и нетерпимость, есть только один путь решения проблемы – принять политику взаимного согласия, взаимопонимания и справедливости. И здесь также особую роль способна сыграть интеллигенция, особой отличительной чертой которой является как раз чувство справедливости.

В-третьих, важно как раз, что сама интеллигенция обладает рядом специфических особенностей, которые до сих пор не случайно были камнем преткновения для попыток понимания ее как узкой социальной страты, но которые как раз и позволяют говорить о ее более важном значении, вплоть до возможной ее широкой миротворческой миссии, способной внести глубину, душу и новые смыслы в деятельность ООН. Благодаря своим, отнюдь не только национальным чертам, интеллигенция способна вывести вопрос о глобальном единстве культурного, этнического, национального, религиозного, политического и иного разнообразия социума на качественно новый уровень. Рассмотрению того, почему и как это возможно, посвящена данная статья.

О природе интеллигенции

В переходные времена, тем более в процессе современной глобализации (когда, как пишет Э.Валлерстайн, «можно быть уверенным лишь в одном: нынешняя система не может продолжать свое существование; ее внутренние механизмы разлаживаются») и «невозможно предсказать, какой будет новая

мир-система (или новые миры-системы)» [3, с. 122]) растет необходимость в новых синтезирующих ценностях, а значит в творчестве интеллигенции, которая их генерирует.

Новые идеи, нормы и духовные ценности не возникают сами по себе в глубине абстрактного «народного сознания», а формируются в головах интеллигентов – части народа, хотя и трудно определимой, но реальной. Интеллигенты создают тот «дух культуры», о котором говорил Н.А.Бердяев в работе «Воля к жизни и воля к культуре», как о расцветающем как раз тогда, когда наступает кризис цивилизации, и благодаря которому, цивилизация способна на дальнейшее развитие. И происходит это благодаря тому, что источник наиболее активной деятельности интеллигенции находится не в налаженной материальной жизни, экономике и производстве, а в чем-то не требующем больших материальных затрат, более того, в некоей неустроенности жизни, которая и пробуждает, «включает» механизмы духовной активности, открывающие новые жизненные смыслы и перспективы. В отличие от ограниченных материальных источников, духовные источники неисчерпаемы, они и выводят из кризиса также и материальную жизнь. Правда, с момента, когда это происходит, духовная сторона таинственно и незаметно опять уходит в тень и снова начинается культ материально-экономической жизни вне ее смысла. В спонтанной духовной активности интеллигенции и критические моменты жизни состоит ее загадка.

Но не только эта поразительная ее функция, а и она сама является загадкой. Как уже отмечалось в другой работе автора [4, с. 12–17], хотя наличие интеллигенции в обществе признается, ее сложно ухватить традиционными социологическими методами. Она есть везде: говорят о научной, технической интеллигенции, о художественной, сельской, городской, в каждой профессиональной группе есть своя интеллигенция. Но при всем том ее как бы и нет. Она, как правило, не фигурирует в социологических опросах и не составляет отдельной социальной группы среди прочих групп. Окончились неудачей попытки свести ее к работникам умственного труда, как и к рекрутируемой из всех слоев общества «прослойке», управленческой элите, а также к «лишним людям», монашескому ордену (С.Л.Франк), «рыцарскому братству» (П.В.Анненков), маргиналам и т.д. Сегодня де-факто интеллигенцию в лучшем случае относят к т.н. «среднему слою», при этом, не всегда явно обозначая ее, а перечисляя в этом слое врачей, учителей, преподавателей вузов, научных сотрудников и др., часто называемых интеллигенцией в другом контексте [5, с. 202]. При всем том, какие-то черты всех указанных групп в интеллигенции странным образом кажутся присутствующими. Правда они, как говорил в подобных случаях А.Ф.Лосев, являются выражением интеллигентности, но не самой интеллигентностью, если даже не нейтральны или даже не враждебны к ней.

До сих пор неясно и то, интеллигенция – это чисто русское или всеобщее явление, по поводу чего идут споры, часто сопровождаемые попытками разобраться в разнице русских интеллигентов и западных интеллектуалов либо западной демократической интеллигенции, например «новых левых». Одним словом интеллигенция, если к ней подходить с позиции традиционной классификации по классово-производственному принципу, есть везде, но ее нет нигде, она одновременно «есть и не есть», и если и можно говорить о ее маргинальности, то только в этом метафизическом пограничном смысле.

О чем свидетельствует данный вывод? Скорей всего о том, что дело не в отсутствии интеллигенции, а в неадекватности применяемого для понимания ее природы классово-производственного принципа ее определения. Что следует принять взамен? Обратимся в связи с этим вопросом к М.К.Мамардашвили, который обратил внимание, в частности, на недостаточность производственного принципа ее типологизации. Рассматривая особенность интеллигенции, он использует идею А.Грамши, определявшего интеллигенцию не в зависимости от характера труда, ею выполняемого, а по той функции, которую умственная деятельность играет в более широкой системе общественных отношений. Мамардашвили обозначает позицию Грамши о сути указанной функции следующим образом: «Эта функция обеспечивает связность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, в том числе в связность структуры класса, обеспечиваемую через организацию и воспитание сознания, через применение знаний и духовных образований, через специальную разработку идеологических отношений людей и т.д. И тех людей, которые внутри класса специально заняты выполнением этих задач, разработкой идеологических связей (...) Грамши называл интеллигенцией» [6, с. 335]. Важно отметить, что Грамши указал также на возможность структуризации интеллигенции. Он различал «органическую интеллигенцию» – ту, которая порождается самим классом (например, буржуазия порождает собственные слои интеллигенции) и выполняет в нем консолидирующую роль, и «традиционную интеллигенцию», которую данный класс заставлял готовой, созданной другими классами и другими задачами.

Несмотря на то, что в данном случае интеллигенция редуцируется лишь к представителям умственного труда и по-прежнему рассматривается еще через призму классовой структуры общества, сам подход к ее пониманию через определение ее функций представляет интерес. Мамардашвили также подчеркивая его важность, даже предпринял на его основе попытку уяснить трудности интеллигенции второй половины XX века. Он сравнивает духовные функции интеллигенции на ранних этапах ее истории – в классическую эпоху капитализма и в современном индустриальном обществе. В первом случае она была представлена небольшой группой лиц, обладавших досугом и достатком, осуществляла монополию на умственный труд, имела ореол избранности и находилась в положении лиц свободных профессий, а связь ее с господствующим классом была достаточно относительной и свободной, так что она отражала не только его проблемы, а и проблемы всех общественных слоев. Во втором случае, интеллигенция оказалась связанной с интеллектуальными функциями, которые обрели массовый, шаблонный, алгоритмизированный характер, связаны с ростом численности лиц, занятых в сфере массовых коммуникаций, утилитарно-промышленных применений научных знаний и художественных открытий и т.д., – технологов от науки, социологов, специалистов-психотехников и т.п. Согласно Мамардашвили, если классическая («старомодная» по его словам) интелли-

генция осознавала себя в качестве «всеобщего чувствилища» и бралась представлять общество как его совесть и во имя «разума», «добра», «красоты», «истины вообще» и «человека вообще», то новая интеллигенция утрачивает бывшее монопольное положение совести общества и его «всеобщего чувствилища», она превращается в органическую интеллигенцию развитого общества и стандартизируется как вся духовная жизнь. Эти важные соображения М.Мамардашвили завершает выводом о том, что сегодня интеллигенция «оказывается перед дилеммой: превратится ли она в чиновника современных корпораций и интегрируется в этом смысле в существующую социально-экономическую систему или пойдет по пути развития демократической борьбы, по пути участия в коалиции демократических сил, борющихся против современных монополий» [6, с. 336].

Здесь производственный и классовый принцип хотя и присутствует, но в явно смягченном виде. Фактически А.Грамши и М.К.Мамардашвили описывают лишь две основные функции, которыми чревата действительность интеллигенции, не связывая их непосредственно с традиционной социальной и классовой структурой общества. Несомненный интерес представляет отмеченное выше разграничение ими интеллигенции на «органическую» и «традиционную» (А.Грамши), и, подобно этому, на классическую («старомодную», демократическую, способную быть «всеобщим чувствилищем») и стандартизированную (М.Мамардашвили). Тем более, что между этими двумя положениями интеллигенции сегодня действительно существует дилемма. Однако, эти авторы все же не уясняют природы интеллигенции, благодаря которой данные две ее функции возможны, ничего не говорят о том, почему этих функций только две. Кроме того, как уже сказано, интеллигенция остается и в этом случае привязанной лишь к умственному труду. Это сужает поле анализа и возвращает вопрос в область прежней проблематики.

Иначе говоря, в позиции Грамши и Мамардашвили присутствуют как положительные моменты, так и недостатки. Как представляется автору данной статьи, учесть первые и, одновременно, уйти от вторых можно, предположив вместо двух указанных типов функционирования интеллигенции, связанный с ними двойственный характер самой природы интеллигенции как ее сущности. Иначе говоря, следует принять, что интеллигенция реально функционируя не по признаку традиционного социального типа или группы, в том числе группы людей умственного труда (поскольку она присутствует практически во всех социальных группах), имеет в качестве главного иной признак – двойственность ее сущности. Что имеется в виду? В отличие от групп, выделяемых по какому либо ведущему показателю (классовому, имущественному, вероисповедания, профессиональному, национальному и другим), для ее представителей одинаково существенны и одновременно ими реализуются две стороны жизнедеятельности:

- институциональная роль (выполнение своих обязанностей в той или иной традиционной социальной группе);
- гражданская, нравственная позиция, понимание себя как органической части всего общества, и связанные с этим высокое чувство ответственности за его универсальные смыслы и ценности, и чувство справедливости.

Принятие такой двойственности целесообразно также потому, что она объясняет ряд особенностей интеллигенции. Например, как раз благодаря указанной двойственности, интеллигенция способна быть связующим звеном всех социальных групп и классов, совестью всего общества, «всеобщим чувствилищем». Также, как играющая институциональную роль, она, если использовать терминологию А.Грамши и М.Мамардашвили, является «органической», «стандартизированной» в своей сфере деятельности, а как занимающая нравственную, гражданскую позицию, выступает как «традиционная», «демократическая». Тем самым, она способна играть роль связующего звена не только между разными социальными группами и классами, а также, что особенно важно, между гражданским обществом и государством, внося гражданский, «идеологический» момент в любую деятельность и в любые области и сферы жизнедеятельности, может выполнять те самые функции обеспечения связности и гомогенности общественной жизни, о которых говорил А.Грамши.

Продолжая на этой основе дальнейший анализ, можно учесть, что до сих пор, в условиях господства силовых и административных методов «объединения» населения в обществе, объединяющие функции интеллигенции осуществлялись стихийно и непоследовательно. Ее связующая роль носила либо эпизодический характер (выступления представителей интеллигенции с заявлениями или даже действиями против тех или иных несправедливых действий власти или действующего режима, как в случае выступления декабристов, диссидентов и т.п.), либо, будучи неосознанной, приводила к разобщенности и поляризации в среде самой интеллигенции. Интеллигенция распалась на:

- чиновничью, фактически сливавшуюся с институционализированной властью (через получение постов, привилегий, наград и т.п.) и покорно выполнявшую ее волю (феномен перерождения интеллигентов в слуг власти, в ее функционеров);
- сохраняющую гражданскую позицию, но вступающую в противоречие с властями (не вписывающуюся в институции); в этом случае интеллигенты становились жертвами (репрессии инакомыслящих и т.п.), мучениками, пассионариями или святыми в глазах масс людей.

В обеих ситуациях интеллигенция утрачивала свою двойственную природу и разобщалась, переставала выполнять роль «всеобщего чувствилища». Ее двойственность не была востребована, так как «соединение» институтов власти и народа, государства и гражданского общества носило и еще сегодня носит иной, формальный юридически-правовой, административный или прямо принудительный (тоталитарный) характер, играло и играет решающую роль.

Ситуация меняется в условиях процессов повсеместной интеграции и информатизации, преодолевающих в ходе глобализации местный, локальный характер, и принимающих всемирные культурно-цивилизационные масштабы. Интеллигенция начинает выходить из тени, легитимизироваться в своей истинной, предначертанной ей всемирной исторической роли, поскольку старые методы связности социума становятся все более недостаточными и изжившими себя, о чем свидетельствует и разразившийся сегодня кризис, который, как уже стало очевидным, только начинается.

Сегодня в мире, подверженном взаимопроникновению множества культур, религий, философий, жизненных норм и ценностей, все более актуализируется вопрос о соответствии их друг другу и равноправии во всеобщем грядущем синтезе. Политика же навязывания стандартов и ценностей жизни одних стран и регионов другим все больше встречает сопротивление, фактически идет стихийный многовекторный силовой поиск модели сочетания культурно-цивилизационного многообразия в едином, сохраняющем всю полноту возможностей жизнеспособном социуме. Но сама по себе система равновесия сил не может дать оптимального сочетания разноликого многообразия и обеспечить устойчивость мирового сообщества, на этом пути выявление указанной модели невозможно. Искомая модель должна базироваться на более глубоких механизмах, объединяющих культуры, страны и народы на принципах их некоего субстанциального родства, не игнорирующего их специфических форм, а, наоборот, предполагающего их. Никакие продуктивные политические методы глобального синтеза невозможны, если они не будут основаны на таком родстве. В связи с этим встает вопрос о природе данного родства.

О социальном всеединстве и роли в нем интеллигенции

В решении данного вопроса целесообразно выйти на метафизический уровень анализа и обратиться к философии всеединства. Процесс усообразования разных политических методов, культур, религий, мировоззрений, норм и ценностей, и в этом смысле (а не в тоталитарном подчинении частей целому) их равноправие, предполагает превращение мирового сообщества в единый социум, где формируется специфическая целостность, в философии называемая всеединством, полнотой. В.С.Соловьев писал: «я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [7, т.2., с. 552–553]. Это совершенное единство многообразия не означает одинаковости и насильственного уравнивания компонентов. Всеединство – это множество элементов, тождественных в своей принадлежности общему целому, но не сливающихся в неразличимую однотипную сплошность, а образующих их полифоническое взаимное сопричастие, «единство раздельности и взаимопроникнутости» [8, с. 336]. Ссылаясь на С.Франка, о том же пишет С.С.Хоружий [9, с. 33]. Он, в частности, отмечает, что идеи всеединства и соборности – две из сквозных тем, «быть может, важнейшие из всех и, уж во всяком случае, принадлежащие к самому ядру русской религиозно-философской мысли» (там же).

Социальный мир взаимопонимания и взаимосоответствия – это мир социального всеединства. В связи с этим и возникает вопрос о природе сил, способных обеспечить такое всеединство, как в отдельных обществах, так и в социуме в целом. Прежние социальные субъекты, выстраивавшие свои отношения по принципу социально-политических и финансово-экономических «побед и поражений», т.е. взаимного противостояния, конкуренции, господства и подчинения, эту задачу не могут решить в принципе, так как действуют унифицирующим силовым методом. Сегодня становятся нужными другие деятели, которые до сих пор если и были, то пребывали в скрытом состоянии, поскольку выпадали из данных отношений или вынуждены были выполнять несвойственные им функции, но которые могут даже конфликтные ситуации рассматривать в качественно ином, гораздо более продуктивном плане всеединства.

Внутренняя природа социального всеединства определяется универсальным всеобщим свойством онто-онтологической дуальности всего бытия. Бытие, стало быть и социальное бытие, существует как всеединство, поскольку каждая его часть, рассматриваемая как онтический, неповторимый в своей индивидуальности компонент, одновременно является формой проявления всеобщей онтологии и даже множества иерархизированных онтологий бытия. Как говорил Г.К.Лихтенберг, в каждом человеке есть что-то от всех людей, и девушка, открывающая душу и тело своему другу, открывает таинства всего женского пола. Каждое социальное явление помимо себя самого еще служит проявлением социума и все они вместе образуют всеединство последнего, равно как социум есть проявление природы и вместе с животным, растительным и неорганическим миром образуют всеединство природы. Таким образом каждое явление социального мира и любого другого полионтично и полионтологично, что позволяет миру быть единым и многообразным одновременно и именно в этом и открывается нам сущность феномена всеединства. Вряд ли можно здесь согласиться с мнением о невозможности понимания всеединства, о чем пишет С.С.Хоружий, когда пишет, что «философский вопрос: «как возможно всеединство?» не может иметь одного исчерпывающего ответа» [9, с. 33–34].

Сегодня именно двойственная природа не только людей, а и социальных институтов, обществ, регионов и континентов, становится важным связующим фактором социума и исторического процесса в целом. В контексте этой координированной и, одновременно, субординированной дуальности указанная выше двойственность интеллигенции предстает частным, но важным для современной социальной жизни случаем. До сих пор каждый человек обладал и обладает онто-онтологической дуальностью и, следовательно, потенцией «быть интеллигентом». Но не все были и есть интеллигентами в этом смысле, поскольку не у всех людей, из-за их частичности и маркузевской одномерности, эта возможность проявлялась в такой же полной мере, как в интеллигенции.

В условиях жизни обществ, вступающих сегодня в этап формирования их всеединств, создается возможность изменения данной ситуации: двойственная природа интеллигенции должна приобретать массовый характер в населении, а интеллигенция становится ядром и движущей силой данного процесса, фактически ведущего к исчезновению себя самой как людей особого качества среди других людей, но за счет того, что это качество должно будет проявляться если не у всех, то у большинства членов общества, независимо от того, каким специальным видом деятельности они будут заняты в каждый данный момент времени. Историческая миссия интеллигенции состоит, следовательно в том, чтобы исчезнув как особая часть общества, превратить все общество, как всеединое, в общество интеллигентов. Транслируемая сегодня средствами информации на всю страну публичность в обсуждении принимаемых в обществе ответственных решений, проводимых пусть в не всегда квалифицированной и профессиональной, а то и уродливой форме, является зародышем всеобщего процесса массового формирования интеллигенции. Говоря метафизически, происходит субстанциализации разнообразия людей, событий и действий при сохранении их многообразия и качественной специфики. Субстанциализация плюральности социального бытия при сохранении самой плюральности – это путь начала массовых процессов развития социального всеединства и выработки истинно общечеловеческих ценностей и смыслов.

Источники и литература

1. Слуцкий А. «Альянс цивилизаций» – друзья и недруги // Литературная газета. – 22–28 апреля 2009 г. – №17.
2. Сакс Дж. Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций. /Пер. с англ./ М.–Иерусалим: Мосты культуры – Геша-рим, 2008. – 328с.
3. Валлерстайн Э. Исторический капитализм. Послесловие ко второму изданию книги «Глобализация не нова» //Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». – М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Кизима В.В. Pg-дуальная роль интеллигенции в истории // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И.Вернадского. – Т. 21 (60). – №3. Философия. Социология. – Симферополь, 2008.
5. Трансформация социально-экономических отношений российского общества. – М.: ИЭ РАН, 2004.
6. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368с.
7. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соч.: в 2 т. М., 1988.
8. Франк С.Л. Сочинения. – М., 1990.
9. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб: АЛАТЕЙЯ, 1994. – 446с.

Михайлов А.Н.

УДК 316.77: 130

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Постановка проблемы. Одним из важнейших элементов и показателей гармонического развития личности является уровень её культуры в целом и нравственной культуры в особенности. Известно, что достигнутым в формировании личности можно считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. Актуальность проведения анализа нравственной культуры вызывается недостаточной теоретической разработкой данной проблемы и следующими практическими обстоятельствами:

- Повышением роли морали в культуре общества и в культурном облике личности;
- возрастанием требований общества к культурному облику личности;
- насущной необходимостью воспитания у подрастающего поколения нравственной культуры.

Анализ последних исследований и публикаций в которых начато решение данной проблемы.

Анализ философской и этической литературы показывает, что исследование проблемы нравственной культуры личности началось с середины 70-х годов прошлого века. В то же время, несмотря на достаточное количество работ, посвященных проблеме нравственной культуры, вопросы, связанные с её сущностью, структурой и содержанием, находятся на стадии научной дискуссии или встречаются лишь в плане рассмотрения более широких проблем [см. 1,2,5,6].

Цель статьи – исследовать категорию «нравственная культура личности». Для этого следует решить следующие задачи:

- дать определение категории «нравственная культура личности»;
- исследовать основные элементы структуры и содержания нравственной культуры личности.

Изложение основного материала исследования.

Методологическим ключом к определению понятия нравственной культуры личности являются концепции культуры, морали и личности, основательно представленные в научных исследованиях. Применительно к морали отдельной личности / автор придерживается точки зрения философов, признающих тождественность понятий “мораль” и “нравственность”/ ее культура представляет собой:

1. Совокупность нравственных ценностей, имеющих высокий общественный смысл.
2. Определенный способ /высокий уровень/ реализации этих ценностей в повседневной жизни и деятельности.